

Изъ воспоминаній о дѣтствѣ покойнаго профессора
В. В. Болотова.

ВАСИЛІЙ Васильевичъ Болотовъ — сынъ причетника Троицкаго собора г. Осташкова, тверской губ., — Василія Тимофеевича Болотова.

Матушка его Марья Иваловна была дочь священника села Кравотыни ¹⁾. Отецъ ея — Иоаннъ Васильевичъ Вишняковъ давно умеръ, оставивъ ее на рукахъ жены своей Анны Стефановны маленькой дѣвочкой. Такимъ образомъ, матушка Василія Васильевича росла сиротой и жила вмѣстѣ съ матерью своей безотлучно въ селѣ Кравотыни, въ своемъ собственномъ домикѣ, который стоитъ и понынѣ. Она вышла замужъ дѣвицею 10 мая 1853г., имѣя отъ роду 27 лѣтъ, за Василія Тимофеевича Болотова — вдовца, имѣвшаго отъ 1-й жены сына и дочь.

Вдовецъ съ дѣтьми, причетникъ, нѣтъ сомнѣнія, не могъ искать невѣсты богатой и остановился на бѣдной Кравотынской сиротѣ — поповицѣ, которая какъ съ собой ничего не могла принести въ домъ мужа вдовца, такъ и тамъ ничего не встрѣтила, кромѣ бѣдности. Разсказывала покойная матушка

---

¹⁾ Село Кравотынь въ 12-ти верстахъ отъ г. Осташкова. Это большое село съ прекраснымъ каменнымъ храмомъ и цѣлымъ десяткомъ улицъ и переулковъ.

Оно расположено на берегу Селигера озера или Кравотынскаго плеса (Селигеръ состоитъ изъ многихъ плесовъ, соединенныхъ между собою широкими перешейками, — самое большое. Осташковское). Крестьяне этого села почти всѣ уходятъ ранней весной на заработки въ Петербургъ, преимущественно для рыбной ловли на изморь Финскаго залива и возвращаются домой поздней осенью.

(она скончалась въ 1899 году) Василя Васильевича Марья Ивановна, что когда послѣ вѣнца (свадьба была въ г. Осташковѣ) пріѣхала на квартиру, то къ ея мужу пришли кредиторы требовать деньги за гробъ его первой покойной жены.

Коротка была семейная жизнь Марьи Ивановны съ мужемъ вдовцомъ: осенью того же 1853 года она осталась вдовой.

Обыкновенно каждый годъ, особенно осенью, при замерзаніи озера Селигера, окружающаго г. Осташковъ съ трехъ сторонъ, и весною, при вскрытіи, немало неосторожныхъ платится жизнью. Случилось такъ, что когда забереги стали, т.-е. берега на извѣстномъ пространствѣ затянулись легкимъ льдомъ, и гуси Василя Тимоеевича, увлекшись перспективою водъ за чертою молодого льда, удалились отъ берега, то Василій Тимоеевичъ, чтобы не лишиться, можетъ быть, единственнаго своего достоянія, пустился за ними въ погоню; но молодой ледъ не выдержалъ отважнаго загонщика и онъ погрузился въ глубину водъ (берега г. Осташкова сразу глубоки), безъ всякой надежды на спасеніе, потому что на молодомъ льду почти нѣтъ никакой возможности оказать кому-либо помощь. Это случилось 16 ноября 1853 года. Василю Тимоеевичу въ моментъ смерти было 45 лѣтъ отъ роду. Потерявъ такъ скоро мужа, Марья Ивановна, тогда уже беременная, быстро рѣшила гдѣ ей пріютиться. Въ Осташковѣ оставаться было не около чего: покойная сама рассказывала, что во время жизни съ мужемъ въ городѣ они, кромѣ долговъ, ничего не нажили. Послѣ смерти Василя Тимоеевича все мало-мальски цѣнное изъ имущества было продано на уплату долговъ; остальное же впослѣдствіи подѣлено между пасынкомъ, падчерицею и потомъ родившимся Василю Васильевичемъ, на долю коего пришлось сорокъ рублей ¹⁾. Вотъ тотъ капиталъ, съ которымъ вступилъ въ жизнь въ послѣдствіи неутомимый труженикъ науки.

Куда же направилась молодая вдова? Въ Кравотыни жила матушка Марьи Ивановны— Анна Стефановна, у которой средствъ тоже не было никакихъ, но, по крайней мѣрѣ, тамъ былъ свой домикъ, — тамъ она сама провела всю жизнь до замужества, — ей знакомы тамъ и люди, и способы, какъ лучше устроить свою тяжелую горькую долю.

¹⁾ Деньги эти были сбережены благоразумной матерью въ банкѣ и выданы наследнику, когда ему исполнилось 20 лѣтъ.

Сюда-то она тотчасъ, по смерти мужа и переѣхала, гдѣ, спустя мѣсяца полтора, и разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, впоследствии знаменитымъ профессоромъ, который записанъ въ метрической книгѣ подъ 1 января 1854 года. Но тутъ маленькая неточность, по поводу чего Василій Васильевичъ писалъ мнѣ въ письмѣ своемъ отъ 13 января 1900 года:

«я самъ записанъ родившимся 1 января 1854 года, а въ дѣйствительности родился во время, когда служатъ вечерни въ Ниловой пустынѣ ¹⁾ (подробность врѣзавшаяся въ памяти родившей) 31 декабря 1853 года».

Крещеніе младенца было совершено: 1 января 1854 года въ день ангела новорожденнаго—святителя Василя Великаго. Восприемниками были: кравотынской о. діаконъ Іоаннъ Михайловичъ Колосовъ и дочь его дѣвица Екатерина Ивановна, здравствующая и поныпѣ. Последняя пишетъ мнѣ: «его (т. е. Василя Васильевича) очень любилъ мой отецъ и я. Я такъ гордилась, имѣя такого крестнаго сына, и смерть его была очень—очень горька для меня».

За что же прежде всего взялась молодая вдова съ новорожденнымъ младенцемъ на рукахъ, чтобы заработать кусокъ насущнаго хлѣба.

По сообщенію крестной матери Василя Васильевича— «она сначала пекла просфоры». Вѣроятно этимъ матушка ея Анна Стефановна занималась и раньше; но должно быть это занятіе найдено было малообеспечивающимъ, потому что я, будучи старше Василя Васильевича на два года, съ самаго ранняго дѣтства своего припоминаю, что кравотынской просвирицей была уже другая вдова—старушка Анастасія Пареевнa, а Марью Ивановну тоже съ самаго ранняго дѣтства помню, что она всегда была завалена крашениной, панкой, куделью, люстриномъ, разными дешевыми ситцами, тесемками, оборками и прочими принадлежностями деревенскаго портняжества. Но и деревенское портпяжество тяжело и мало выгодно. Я сужу объ этомъ по своей покойной матери, которая тоже была невольной—изъ пужды—портнихой и въ той же Кравотыни. Шьется какая-нибудь вещь руками (тогда

¹⁾ Нилова пустынь—монастырь на Столбпомъ островѣ озера Селигеръ,—въ 4-хъ верстахъ отъ села Кравотыни и по вѣтру бываетъ слышенъ монастырскій звонъ въ селѣ.

о швейныхъ машинахъ и помину не могло быть), — шьется долго, а за шитое получаютъ гроши и то съ разновременною уплатою. А такъ какъ денегъ въ деревняхъ вообще мало, то деревенскія закащицы уплачивали и молокомъ, и яйцами, и рыбой, и дровами, и соломой, и сѣномъ—словомъ всѣмъ, кто чѣмъ могъ, потому что во всемъ этомъ у бѣдныхъ вдовъ была вопіющая нужда.

Чудная была женщина Марья Иваповна! Добрая, разсудительная, трудолюбивая, терпѣливая.

Мы никогда не слыхали, чтобы она пожаловалась кому-либо на свои недостатки, а они были постоянными спутниками жизни ея, какъ и всѣхъ обездоленныхъ. Она всегда, бывало насъ, дѣтвору, приголубить, приласкаетъ, распроситъ о томъ о семъ, пожурить, если замѣтитъ какую-нибудь глупую шалость. А укрыться отъ нея было трудно: она всегда бывало и даже въ лѣтнюю жаркую страдную пору, когда всѣ въ полѣ—на работахъ или на сѣнокосѣ, сидитъ дома, какъ безсмѣнный часовой, у своего окна и шьетъ, и мы—таки побаивались шалить около ея дома, а уйдемъ куда-нибудь подальше. Впрочемъ, мы дѣлали это не столько по страху передъ ней, сколько по дѣтскому безотчетному чувству уваженія къ этой хорошей, правдивой женщинѣ—труженицѣ. Взглядъ ея былъ, правда, немного строговатый, но мы не боялись ея, потому что дѣтскимъ инстинктомъ чувствовали ея сердечную доброту, которая свѣтилась въ ея строгихъ на видъ чертахъ лица и знали, или скорѣе чувствовали, что если когда и побранить кого изъ шалуновъ, то за дѣло—такъ и падо.

Помню такой случай изъ своего ранняго дѣтства. По обыкновенію, когда наши всѣ домашніе въ лѣтнюю рабочую пору ушли въ поле, я остался одинъ съ дневной провизіей на столъ, въ родѣ чернаго хлѣба или ржанаго пирога съ кашей или лукомъ. Наружныя двери заширлись и единственнымъ выходомъ для мся и входомъ было не створчатое, а сдвигное кухонное окно, нижнюю половину коего можно поднимать въ уровень съ верхней, поддерживая приспособленной по размѣру стекла подпоркой. Вылѣзъ изъ такого окна на завалину дома и снова влѣзъ, ухватившись за нижній край рамы по бревенчатой стѣнѣ (вѣща въ три—четыре), было дѣломъ одной минуты. Но вотъ тутъ-то предательское окно и подкузьмило меня. Вылѣзая изъ окна

и уже ставъ на завалину, я неосторожнымъ движеніемъ руки выбилъ подпорку вонъ, и приподнятая половинка набухшаго отъ ночного дождя окна опустилась и такъ плотно, что снова преподнять ее никоимъ образомъ нельзя было, и я оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ свѣстныхъ, оставленныхъ мнѣ, припасовъ, а день только начинался и до сумерокъ очень далеко. Съ горя я сначала побѣждалъ съ мальчишками шалить; но чувство голода вернуло опять къ дому. Въ такомъ критическомъ положеніи, вѣроятно, замѣтила меня Марья Ивановна (домъ ея отъ нашего—черезъ дорогу, нѣсколько на-искось), вышла, взяла меня къ себѣ и накормила.

Было и слѣдующее. У матери моей сгорѣлъ домъ (я тогда уже служилъ полковымъ священникомъ). Кое-какъ сколотили денегъ на покушку готоваго сруба, перевезли его въ село и нужно было нанять плотниковъ, которые потребовали харчей и особую «фатеру». Испечь для нихъ хлѣбъ и изготовить варево еще можно было гдѣ-нибудь, а на счетъ квартиры мать, не имѣвшая и сама пріюта, просто была въ затрудненіи. И тутъ на выручку явилась Марья Ивановна! У нея, кромѣ передней избы, была задняя старенькая (обычная квартира сельскаго учителя или вновь прибывшаго какого-нибудь члена причта),—на однѣхъ сѣняхъ съ первой, съ общимъ наружнымъ входомъ. На этотъ разъ она была свободна и добрая Марья Ивановна великодушно предложила матери помѣстить туда плотниковъ.

И сколько должна была вынести страданій добрая женщина отъ этой нечистоплотной аравы, отъ ихъ непечатныхъ словъ, особенно въ праздники,—отъ махорки и проч., а продолжалось все это недѣли двѣ.

Для всѣхъ крестьянскихъ женщинъ да и кравотынскихъ клирошанокъ она всегда была доброй собесѣдницей, утѣшительницей и мудрой совѣтницей. Закащицы бывали у ней почти изъ всѣхъ деревень большаго Кравотынскаго трехкомплетнаго (въ то время) прихода, и она, благодаря своему ремеслу и прекрасной отъ природы памяти, знала всю подноготную деревенской жизни, со всѣми новостями и злобами дня и все помнила. Какъ теперь вижу, шьетъ бывало въ очагахъ и въ то же время слушаетъ, или спрашиваетъ какую-нибудь женщину и дѣлаетъ свои замѣчанія, наставленія и вразумленія.

Правдивое, сердечное слово, конечно, чутьемъ понимается

и самыми простыми людьми, и къ ней, «къ матушкѣ Марьѣ Ивановнѣ», шли со всѣхъ сторонъ съ заказами, бѣдами и напастями, и всѣхъ она утѣшить, успокоить и всѣмъ дать добрый, мудрый, практическій совѣтъ. За это ее всѣ знавшіе любили и уважали.

Наше сельское дѣховенство, особенно въ женской его половинѣ, не можетъ похвалиться дружною, миролюбивою жизнію, и Кравотынь въ этомъ случаѣ (по крайней мѣрѣ въ то время) не составляла исключенія. Были партіи, враждебно настроенныя одна противъ другой; но Марья Ивановна, на сколько помню, всегда держала въ этихъ случаяхъ нейтралитетъ, чѣмъ даже между клирошанами стяжала себѣ всеобщую любовь и уваженіе.

Прикованная усидчивымъ трудомъ къ дому, она не замыкалась однако въ немъ отшельницей: съ удовольствіемъ принимала приглашеніе членовъ причта, и даже почтенныхъ крестьянъ, въ гости, по тѣмъ или другимъ случаямъ; принимала у себя посѣтителей, радушно угощая, чѣмъ Богъ послалъ.

Она была очень религіозна, — неопустительно посѣщала по праздникамъ храмъ Божій, — любила часто ходить въ Нилову пустынь (куда брала съ собою и Василя Васильевича). Какъ теперь помню, еще ребенкомъ, ея серьезное, строгое, молитвенно-настроенное лицо, озаренное свѣтомъ отъ свѣчи въ рукахъ въ страстную субботнюю заутреню.

Къ священникамъ она питала всегда какое-то особое уваженіе: никогда никого изъ нихъ не осуждала и если случалось, что кто-либо вель рѣчь о неприглядной сторонѣ кого-нибудь изъ батюшекъ, всегда шла на встрѣчу съ словомъ извиненія и оправданія. «Отецъ Александръ Игнатьевичъ», «отецъ Тимофей Алексѣевичъ», а иныхъ молодыхъ, за глаза конечно, «попушка» — это ея обычныя выраженія. У каждаго священника брала всегда благословеніе. Живо помню, какъ она рада была видѣть меня въ рясѣ (въ 1879 г.), когда я пріѣхалъ въ Кравотынь въ первый разъ молодымъ священникомъ!

Наши бабушки и матери обыкновенно грамоты не знали, да и школъ тогда по селамъ почти не было и хорошо если кто выучится дома какъ-нибудь случайно читать и писать. Марья Ивановна, не учась въ школѣ, умѣла читать и любила читать и писала, хотя по своему — полууставомъ. Бывало приплетъ отъ моей матери письмо (мать моя была неграмотная),

а потомъ при свиданіи спросить: «разобрали ли вы мои каракули, что я вамъ нацарапала?»

Да, это была достойная женщина во всѣхъ отношеніяхъ! И немудрено, что у такой, богатой отъ природы духовными дарованіями матери, вышелъ такой прекрасный сынъ, какъ незабвенный и незамѣлимый Василій Васильевичъ!

Родился мальчикъ, и естественно всѣ помыслы, надежды и стремленія матери сосредоточились на новорожденномъ, который сталъ ея какъ бы внутреннимъ духовнымъ міромъ. Молодая вдова съ первыхъ дней, конечно, отдалась самому правильному уходу за нимъ. Не меньшею любовью пользовался новорожденный и со стороны своей бабушки Анны Стефановны, которая скончалась уже тогда, когда Василій Васильевичъ учился въ Останковскомъ духовномъ училищѣ.

При самыхъ благоприятныхъ условіяхъ шло физическое развитіе младенца. Тогда какъ другія дѣти бѣдныхъ крестьянскихъ семействъ въ лѣтнюю, напримѣръ, страдную пору оставались на рукахъ какой-нибудь безпомощной старухи или няньки подростка (почти такого же младенца), съ соскою во рту изъ коровьяго молока, вскипяченнаго часто съ макомъ (чтобы ребенокъ дольше спалъ),—Марья Ивановна, по характеру своихъ домашнихъ занятій, была безотлучно при своемъ дѣтищѣ. Сама кормила его, конечно всегда во время и, какъ женщина хорошей здоровой комплекціи, вливала въ зародившуюся жизнь свѣжіе здоровые соки.

При правильномъ естественномъ кормленіи грудью матери и при тщательномъ уходѣ и досмотрѣ, ребенокъ росъ «крѣпышемъ», чуждымъ разныхъ болѣзней, свойственныхъ дѣтскому возрасту.

Какъ теперь помню темноволосаго мальчика лѣтъ 2-хъ, одѣтаго въ сѣреную ситцевую рубашку, съ пояскомъ голубаго цвѣта, на завалинкѣ лѣтомъ съ матерью. (Чуть ли это не самое раннее впечатлѣніе, сохранившееся въ моей дѣтской памяти, относительно Василя Васильевича). И достойная женщина Марья Ивановна, глазъ не спускала съ своего «сынушки-Васильюшки» (такъ она всегда называла его, передавая о немъ что-нибудь знакомымъ и даже представляя его, уже профессора, незнакомымъ).

Роста онъ былъ средняго, но сложенія плотнаго, какъ будто вылитый изъ какой-нибудь твердой массы. Такимъ я зналъ его какъ въ натурѣ, такъ и на карточкахъ, до послѣд-

нихъ роковыхъ годовъ, которые быстро измѣнили его и также быстро свели въ могилу. Немного былъ сутуловатъ, неуклюже ребенкомъ бѣгалъ и какъ-то некрасиво размахивалъ руками, что объясняется сидячимъ образомъ жизни (такую сутуловатую была и матушка его) и недостаткомъ физическихъ упражненій. Привыкши жить съ глазу на-глазъ съ матерью, всѣмъ извѣстной домосѣдкой, онъ мало рѣзвился съ нами—дѣтьми и почти никогда не принималъ участія въ нашихъ общихъ играхъ, какъ напр.: рюхи, стрива, лапта и проч.,—хотя, по чувству врожденной общественности, онъ все же держался насъ, копошась гдѣ-нибудь вблизи въ песку или гоняясь за мотылькомъ.

Вообще онъ росъ дикаремъ и первое время никуда отъ своего дома не уходилъ. Къ нашему дому (черезъ дорогу, нѣсколько на-искось) онъ сталъ подходить уже потомъ; но и тутъ бѣда: противъ моего дома—колодезь, въ сущности совсѣмъ безопасный для насъ, дѣтей, потому что наружный срубъ очень былъ высокъ надъ поверхностью земли; но лишь только мы въ увлеченіи приближались къ колодцу, интересуясь больше лужами около него, бабушка его Анна Стефановна, какъ будто изъ земли выростетъ, бывало, и уже зоветъ: «Васильюшка, Васильюшка, иди домой!»

Свыкшись, съ теченіемъ времени, съ своей улицей и берегомъ озера, совершенно безопаснымъ (по мелководью на большомъ разстояніи) для дѣтей, привыкшихъ съизмала къ водѣ, онъ другихъ улицъ своей Кравотыни совсѣмъ не зналъ,—для него онѣ были, (по крайней мѣрѣ до училищнаго періода), какими то дикими мѣстами, куда нельзя пускаться безъ опасности за свою жизнь. Да и матушка его не позволила бы увлечь дѣтской компаніи своего «Васильюшку» куда-нибудь далеко отъ дому: она зорко вездѣ и всюду слѣдила за нимъ.

Не принимая никакого участія въ нашихъ общихъ уличныхъ играхъ, онъ все же не могъ не поддаваться нѣкоторымъ дѣтскимъ развлеченіямъ, которыя имѣли характеръ игръ, одиночныхъ—домашнихъ.

Такъ, будучи вхожимъ въ домъ Марьи Ивановны, я помню «Васильюшка» очень любилъ пускаться съ быстро развернутой нитки деревяннаго волчка и наслаждаться, какъ онъ жужжить и крутится, описывая по полю разные круги. Въ послѣдствіи у него былъ волчокъ металлическій (изъ раскрашенной жести) съ машинкой,—вѣроятно подарокъ, занесен-

ный камимъ-нибудь питерцемъ. Но больше всего онъ увлекался звономъ. У него была дѣлая серія валдайскихъ игрушечныхъ колокольчиковъ, одинъ другого меньше—до наперстка величиной. Бывало гдѣ-нибудь въ углу комнаты нанижетъ эти колокольчики на протянутую веревку (что изображало колокольную), привяжетъ ниточки къ язычкамъ и съ увлеченіемъ звонить.

Но эти дѣтскія развлеченія были у него, такъ сказать, между дѣломъ.

Главнымъ занятіемъ его были разныя книжки. Матушка очень рано научила его тайнѣ чтенія. На 7-мъ году онъ прекрасно читалъ и, обладая отъ природы феноменальною памятью ¹⁾, съ поразительною точностію передавалъ прочитанное.

Помню на 8-мъ году я былъ отданъ въ сельскую Кравотынскую школу. Обучаясь буквеннымъ методомъ («азъ, буки», — «буки-азъ-ба-ба»), мы, вновь поступившіе, едва въ годъ могли научиться искусству читать по-славянски. Читая всегда Часословъ или Псалтирь, мнѣ очень хотѣлось имѣть какую-нибудь книгу гражданской печати, чтобы на ней попробовать свои силы. Я неотвязчиво приставалъ съ этимъ къ отцу. Наконецъ желаніе мое исполнилось: отецъ принесъ изъ прихода какую-то гражданской печати книгу (довольно толстую, въ родѣ приложеній переводныхъ романовъ къ нынѣшнимъ газетамъ и журналамъ),—безъ переплета и главное—безъ начала и конца. Я долго смаковалъ тайну этой книги, но ничего не могъ понять, и слова то въ ней какія то непонятныя, въ родѣ «маркизь» «маркиза» (очевидно занесенная изъ Питера какимъ-нибудь крестьяниномъ). Такъ что все дѣло ограничивалось однимъ лишь процессомъ чтенія Гоголевскаго Осипа.

---

¹⁾ У матушки Вас. Вас. память была тоже замѣчательная. Въ бытность мою въ Кравотыпи въ 1889 году, мнѣ нужно было сдѣлать по церковнымъ документамъ одну справку, касающуюся моего прадѣда. Такъ какъ наше кравотынское причетническое мѣсто было какъ бы наследственное по женской линіи, съ приемомъ въ домъ разнофамиліевъ, и справка обѣщала быть затруднительною—(на цѣлые десятки лѣтъ въ-глубь), а времени въ распоряженіи у меня было мало, то я обратился къ Марьѣ Ивановнѣ: не знаетъ ли она чего по части нашей семейной лѣтописи, и Марья Ивановна, какъ по печатной книгѣ, перечислила мнѣ всѣхъ предковъ съ прапрадѣда, отмѣчая положеніе и судьбу каждого изъ нихъ.

Василій Васильевичъ узналъ, что у меня есть какая-то новая книжка и попросилъ ее у меня. Вручая ему эту книгу, я однако недоумѣвалъ, какъ онъ, не учась въ нашей сельской школѣ, у Дмитрія Максимовича Сперанскаго ¹⁾, (гдѣ казалось тогда только и можно было обрѣсти разныя тайны знанія), — беретса за такія книги? Между тѣмъ, Василій Васильевичъ, одинъ ли самостоятельно или вмѣстѣ съ матушкой, отлично справился съ этимъ дѣломъ. Черезъ нѣсколько дней книга была возвращена мнѣ, и онъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени все ловилъ меня на улицѣ, рассказывая содержаніе прочитанной книги.

И такъ, онъ матушкой своей наученъ былъ читать очень рано; но какъ она могла дать основныя правила такой прекрасной каллиграфіи Василія Васильевича, когда сама всю жизнь писала «каракулями», — это тоже теперь не тайна. Не могу утверждать, жилъ ли тогда на квартирѣ у Марьи Ивановны сельскій учитель Д. М. Сперанскій или только столовался, но хорошо помню, нашъ учитель бывалъ запросто всегда у Марьи Ивановны (она очень любила интеллигентныхъ людей) и, конечно, руководилъ Василюемъ Васильевичемъ, какъ въ чтеніи, такъ и въ письмѣ. Чуть-чуть даже припоминаю на столѣ у Василія Васильевича училищныя прописи, съ которыхъ онъ вырисовывалъ буквы и слова.

О дѣтскихъ лѣтахъ Василія Васильевича, въ періодъ первоначальнаго его обученія дома, крестная мать его (Екатерина Ивановна Колосова) пишетъ мнѣ въ апрѣлѣ текущаго года: «съ самыхъ первыхъ годовъ ученія онъ наблюдалъ за природой и никогда не разставался съ книгой. Дѣтскіе годы его были непохожи на таковыя другихъ дѣтей. Его игры не были такими, какъ у всѣхъ. Былъ общій любимецъ».

Обладая прекрасными отъ природы талантами и будучи уже достаточно развитымъ, подъ руководствомъ своей матушки, Василій Васильевичъ вполне подготовленнымъ поступилъ въ Осташковское духовное училище, — сразу сдѣлался любимцемъ учителей и по праву занялъ мѣсто перваго ученика, чего ужъ ни кто не дерзалъ оспаривать у него — ни въ училищѣ, ни въ семинаріи.

Приходилось слышать отъ одного учителя, что въ классѣ,

¹⁾ И помни здравствующій священникъ изъ селѣ Святомъ, Осташковскаго уѣзда.

гдѣ Василій Болотовъ, пужно составлять списки учениковъ иначе: написать «Василій Болотовъ», подчеркнуть и затѣмъ: 1-й ученикъ такой-то, 2-й — и т. дал.

Благодаря феноменальной памяти, ему замѣчательно все легко давалось. Мнѣ пришлось въ Осташковѣ стоять съ нимъ года два съ небольшимъ на одной квартирѣ (у мѣщанки Смольниковой). Для насъ, напр., ариометика Никулина, съ ея тяжелымъ слогомъ и непонятно составленными ариометическими правилами, — была просто тарабарщина, — тѣмъ болѣе, что, по тогдашнему методу преподаванія (не въ обиду будь сказано старымъ педагогамъ: они въ этомъ неповинны), заучиваніе правилъ шло само по себѣ, а рѣшеніе задачъ — своимъ порядкомъ, какъ будто это два отдѣльные предмета; но для Василія Васильевича все это пустяки: разъ прочиталъ и готовъ къ отвѣту; и такъ по всѣмъ предметамъ. Онъ даже и книгъ своихъ не клалъ въ общій квартирный шкафъ или на общія полки, а держалъ ихъ въ своемъ сундучкѣ всегда на запорѣ и, когда нужно, отпереть, достанетъ ту или другую, прочтетъ разъ заданный урокъ и снова уложитъ все въ сундукъ до того времени, какъ идти въ классъ. Тогда все нужное вынималось и укладывалось въ ранецъ (нынѣшній гимназическій, только онъ носилъ его не за плечами, а подъ мышкой). Поэтому всѣ книжечки у него были всегда чистенькія, новенькія, какъ будто вчера куплены.

Когда Василій Васильевичъ учился еще во 2 классѣ училища, то для четвертоклассниковъ, по подготовкѣ уроковъ изъ священной исторіи Новаго Завѣта, которая изучалась тогда по Евангелію, онъ просто былъ кладомъ. Иной, переписывая оглавленіе заданныхъ исторій, ошибется въ цитатѣ, иной совсѣмъ забудетъ записъ на квартирѣ, а повторить заданное предъ урокомъ нужно, — сейчасъ къ Василію Васильевичу: «гдѣ, молъ, говорится въ Евангеліи, положимъ, о воскресеніи Наипскаго юноши?» и Василій Васильевичъ, нисколько не напрягая своей памяти, отвѣчаетъ: «у евангелиста Луки въ 17 главѣ съ 11 по 17 ст. Если бы это коснулось такого священнаго разсказа, о которомъ упоминаютъ и другіе евангелисты, то безъ затрудненія Василій Васильевичъ процитируетъ всѣ главы и стихи.

Упраженія домашнія или классныя, по-латыни ли то, или по-гречески, онъ составлялъ настолько тщательно и правильно, что, кажется, никогда перо учителя не касалось чего-нибудь

для поправки: какимъ чистенькимъ подасть упражненіе, такимъ и получить, съ обычною, подписью — «excellent».

Василій Васильевичъ всё предметы зналъ одинаково прекрасно, и о. смотритель училища (священникъ въ то время Преображенской церкви) Іоаннъ Петровичъ Салтыковъ особенно гордился имъ предъ публикой на такъ называемыхъ «публичныхъ экзаменахъ». Какъ теперь помню. Было уже все приготовлено къ экзамену: 3-й классъ, свободный отъ партъ и скамеекъ, былъ убранъ зеленью; стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ со всѣми принадлежностями для экзамена; разставлены были ряды стульевъ для почетныхъ посѣтителей; всё свои въ сборѣ — и пѣвчіе-ученики, и предназначенные изъ всѣхъ классовъ для вызова на средину воспитанники, и учителя во главѣ съ о. смотрителемъ.

Раньше всѣхъ пріѣхалъ оставшковскій почтмейстеръ (университетскаго образованія). О. смотритель, чтобы занять гостя до начала публичнаго экзамена, вызываетъ Василія Васильевича (который былъ тогда уже въ 3-мъ классѣ), рекомендуетъ его, какъ красу училища и предлагаетъ почтмейстеру дать Болотову вопросы по любому предмету изъ училищнаго курса.

Водворилась тишина, и мы всё какъ бы затаили дыханіе, предвкушая удовольствіе, какъ побѣдоносно будетъ «рѣзать» на каждый предложенный вопросъ нашъ Василій Васильевичъ. Задаются самые разнообразныя вопросы изъ разныхъ предметовъ. Какъ и всегда, Василій Васильевичъ отвѣчаетъ на все прекрасно, толково, правильно. Экзаменаторъ, видимо, хотѣлъ смутить (по крайней мѣрѣ намъ тогда такъ показалось) чѣмъ-нибудь Болотова и спрашиваетъ его: «переведи — canis ut canis». Василій Васильевичъ, не замѣчая тутъ подвоха, переводитъ: «собака какъ собака». Почтмейстеръ улыбнулся и спрашиваетъ: «а итъ ли въ латинскомъ языкѣ глагола съ такимъ же корнемъ». Тогда Василій Васильевичъ пѣсколько сконфуженно переводитъ: «поешь, какъ собака». Съ тѣхъ поръ мы не влюбились этого маленькаго, съ черными съ просѣдью баками, въ очки, почтмейстера (которому, конечно, отъ этого было ни тепло, ни холодно), — не влюбились за то, что онъ ловить хорошаго ученика на игрѣ словъ.

Спустя года 2 по поступленіи Василія Васильевича въ духовное училище, матушка свела своего «сынушку — Василь-

юшку» съ квартиры отъ мѣщанки Смольниковой, гдѣ онъ стоялъ вмѣстѣ со мною, и поставила на другую къ соборному (если не ошибаюсь) причетнику, старичку Ивану Абрамовичу Дрызлову, который, нѣтъ сомнѣнія, помнилъ Василія Тимоѣевича — отца Василія Васильевича. На этой квартирѣ онъ и окончилъ училище.

Поводы къ переводу Василія Васильевича на другую квартиру были, конечно, очень основательные.

Насъ у мѣщанки Смольниковой было много: меньше 12-ти человекъ никогда не бывало, а до 15-ти доходило.

Все наше помѣщеніе состояло изъ одной небольшой комнаты внизу съ кухней. Причина такой скученности—коммерческій расчетъ хозяйки. Обыкновенно плата въ годъ за квартиру, столъ, освѣщеніе, отопленіе, стирку бѣлья и баню (разъ въ 2 недѣли)—24 р. за ученика, т. е. ровно столько, сколько казна давала въ годъ на содержаніе воспитаннику—сиротѣ.

Чѣмъ, слѣдовательно, больше набереть хозяйка учениковъ, тѣмъ ей выйдѣе, но за то намъ несравненно хуже. Въ теплые дни—весной, лѣтомъ, раннею осенью—еще можно было заниматься на дворѣ, въ предбанникѣ, банѣ, гдѣ-нибудь на отлогой крышѣ сарая, или взберется на дрова, если хозяйка не видитъ, а ужъ позднею осенью и зимою совѣтъ плохо. Помню, человекъ 12—13 усядемся вокругъ стола, при одной сальной свѣчѣ, — сидимъ вплотную—плечо съ плечемъ (писать въ это время и не думай),—учили въ слухъ, каждый старался перекричать сосѣда, отчего получался невообразимо-дикій концертъ, продолжавшійся до самаго ужина или вѣрнѣе до того, какъ старшій по квартирѣ крикнетъ — «libri!»—и по книжкамъ выслушаетъ, кто какъ знаетъ.

При такой тѣснотѣ не могло быть, конечно, и спальныхъ удобствъ: наши кровати—поль, а матрацы—войлочки, которыми застилалось все пространство пола отъ стѣны до стѣны и ложились вплотную.

Пицца наша, кромѣ щей и каши съ саломъ или постнымъ масломъ (смотря по времени), разнообразилась великимъ постомъ, напимѣрь, водянистымъ квасомъ съ тертымъ въ-прокъ хрѣномъ и хлѣбными сухарями, что напоминало «тюрю», а раннимъ лѣтомъ, когда надъ озеромъ кипать комары и рыбешка-уклейка съ жадностію ловить ихъ, выбрасываясь на поверхность воды,—ухой. Но что это за уха была!

Обыкновенно рыбка эта ($1\frac{1}{2}$ —2 коп. фунтъ) не вычищалась и, разварившись, наполняла огромный печной горшокъ, или чугунокъ, комарами и въ такомъ же почти видѣ все это перемѣшалось за обѣдомъ въ большую деревянную чашу.

Тѣ ученики, которые побогаче, пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ у хозяйки на верху (по особому условію родителей съ нею). Василій Васильевичъ поддерживался этимъ, но не каждый день.

Взаимныя отношенія квартирныхъ учениковъ не отличались воспитанностію, ибо и наше училище въ тѣ времена было причастно духу «помяловщины». На квартирахъ, особенно большихъ, всегда были сорванцы и озорники (преимущественно изъ старшихъ возрастовъ), которые давали тонъ квартирѣ по разнымъ безобразіямъ. Правда, такіе нахалы получали особыя прозвища, соответствующія ихъ дѣяніямъ, наприм: «Васька — разбойникъ», и эти прозвища удерживались за ними на всю жизнь; но тѣмъ не менѣе, это не только не обуздывало ихъ въ «злохудожествахъ», а придавало больше энергіи.

Каждога новичка, (вновь поступившаго въ школу), считалось необходимымъ привести «въ крещеную вѣру». Обыкновенно надъ такими продѣлывались всѣ традиціонныя грубыя эволюціи: ихъ щипали, толкали, били и ковыряли масломъ. Хорошо, если у кого былъ старшій братъ или сильный (физически) знакомый, — такой застраховывался отъ дикихъ нападокъ; но всякій другой долженъ былъ неизбежно пройти эту тяжелую школу.

Правда, Василій Васильевичъ въ этомъ отношеніи составлялъ нѣкоторое исключеніе. Во 1-хъ, въ общихъ играхъ, когда скорѣе всего могли попадать «колотушки» онъ, по обыкновенію, участія не принималъ; во 2-хъ, причинить открыто какую-нибудь обиду Василю Васильевичу и побавались: за него могло вступить начальство (а тогда пребольно сѣкли), да и благонравные товарищи не дали бы озорникамъ обижать Болотова.

Но были моменты, когда любители кулачной расправы могли продѣлывать дикія выходки надъ своими жертвами безнаказанно. Это когда, бывало, идемъ цѣлой квартирой (а случалось, что на пути и еще присоединятся двѣ-три) еще темно, въ 4 часа утра, въ Преображенскую церковь къ праздничной заутренѣ, или въ ноябрьскіе и декабрьскіе дни еще до разсвѣта въ училище.

Тут то и дѣло слышалось: «чего ты, дерешься, — чего ты толкаешься!» а кто это «ты» — неизвестно. Какой-нибудь озорникъ намѣтилъ себѣ жертву въ пути, подбѣжалъ сзади, толкнулъ и скрылся въ толпѣ: благо темно. Въ этихъ случаяхъ и Василій Васильевичъ не избѣжалъ общей участи, — попадало и ему бѣдному за то, что былъ новичекъ, одѣвался всегда не богато, по чистенько, велъ себя прекрасно и за отличное прилежаніе и успѣхи былъ любимцемъ какъ начальства, такъ и учителей.

Матушка Марья Ивановна часто пріѣзжала изъ Кравотыни въ Осташковъ — повидать своего «сынушку-Васильюшку». Можно быть положительно увѣреннымъ, что онъ никогда не пожаловался своей матери на неудобства квартирной жизни. Но что отъ зоркаго взгляда Марьи Ивановны ничего не могло ускользнуть — это также вѣрно.

И вотъ она рѣшается перевести его на другую квартиру — къ соборному причетнику, какъ выше сказано, Ивану Абрамовичу Дрызлову, который бралъ съ учениковъ рублемъ дороже въ годъ (25 р. вм. 24), но у него всегда стояло не больше 4-хъ — 5-ти учениковъ и все дѣти благоправныя, — завѣдомо извѣстныхъ хорошихъ родителей. Тамъ Василию Васильевичу было совсѣмъ хорошо: и просторно, и покойно, и чисто, и сытно, да и отъ училища и Преображенской церкви близко. Иванъ Абрамовичъ, къ чести его сказать, любилъ своихъ квартирантовъ — учениковъ и ухаживалъ за ними, какъ за своими дѣтьми.

Въ семинарію (тверскую) Василій Васильевичъ перешелъ (въ 1869 г.) съ рѣдкими отмѣтками на свидѣтельствѣ какъ по поведенію и прилежанію, такъ и по успѣхамъ.

Матушка сама привезла его въ Тверь и на время приемныхъ экзаменовъ поставила его на той же квартирѣ (Семинарская улица), гдѣ жилъ и я. Спустя недѣли 1¹/₂ — 2, онъ былъ взятъ въ семинарскій корпусъ на полное казенное содержаніе, гдѣ и жилъ до окончанія семинарскаго курса.

Въ тверской семинаріи онъ также учился прекрасно, какъ и въ училищѣ; по воспоминанія объ этомъ періодѣ могутъ и должны написать его товарищи, какъ по классу, отдѣленію, такъ и по спальнѣ.

Въ такой большой семинаріи, какъ тверская, памятными остаются, главнымъ образомъ ближайшіе товарищи — одноклассники и соквартиранты.

Затѣмъ, паша дорога разошлась: я, по окончаніи курса, дѣтъ 5, до принятія священства, учительствовалъ, а онъ въ это время, по окончаніи семинаріи въ 1875 году, былъ посланъ на казенный счетъ въ с.-петербургскую духовную академію.

Только одинъ разъ, во время учительства, мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ — студентомъ академіи — въ Кравотыни, на вакаціи. Помню, къ «Ильину дню» (сельскій престольный праздникъ) насъ — и кавалеровъ и барышень собралось — такъ много. Нужно было провести время какъ-нибудь повеселѣе. Задумали устроить танцы съ играми въ одномъ свободномъ сараѣ, и Василій Васильевичъ былъ съ нами. Думаю себѣ, не измѣнился ли Василій Васильевичъ академическимъ студентомъ и не пустился ли въ свѣтъ, но оказалось — совсѣмъ нѣтъ: онъ просто по тяготѣнію къ намъ, прежнимъ товарищамъ, желалъ быть при насъ, потому что когда мы готовились къ открытію бала, онъ, усмотрѣвъ въ сторонѣ кучу бревенъ и вздернутую на нее безъ колесъ телѣгу, взобрался на эту кручу, потрогалъ, насколько телѣга устойчива, легъ въ нее на спину и отдался обычнымъ своимъ размышленіямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на наши развлеченія.

Дальнѣйшія мои (уже священникомъ) встрѣчи съ Василіемъ Васильевичемъ были очень рѣдки.

1-й разъ къ 1879 году я встрѣтился съ нимъ на вакаціи въ Кравотыни, когда пріѣхалъ молодымъ военнымъ священникомъ съ Волыни, а онъ уже окончилъ академію и тогда уже извѣстно было, что оставленъ доцентомъ при академіи по древней общей церковной исторіи. 2-й — въ 1889, въ той же Кравотыни. 3-й и послѣдующіе — съ конца 1894 года въ Петербургѣ, гдѣ приходилось у него и останавливаться, и почевать, когда онъ жилъ на Невскомѣ, д. № 164.

Недостатокъ личныхъ встрѣчъ восполняли довольно частою перепискою между нами, которая началась съ того, что Василій Васильевичъ, уже будучи профессоромъ, пріѣдетъ бывало на вакацію въ Кравотыни (а ѣздилъ онъ туда ежегодно), напишетъ что-нибудь отъ моей матери и отъ себя припишетъ странички двѣ — три. Съ 1889 г. до 1900 г. включительно (послѣднее письмо отъ 13 января 1900 г.) установилась регулярная между нами переписка изъ года —

въ годъ. ¹⁾ Обыкновенно я пишу ему къ 1 января (день его ангела) и онъ всегда аккуратно отвѣчалъ мнѣ къ 16 января, по такому же поводу.

Часто перепискою я не обременялъ Василія Васильевича, зная, что у него труда масса, но если была необходимость обратиться къ нему за разъясненіемъ какого-нибудь педоумѣннаго вопроса изъ пастырской практики, а эту необходимость испытываетъ каждый военный священникъ, заброшенный куда-нибудь на окраину (въ среду иновѣрныхъ и иностранныхъ), или выписать какую-нибудь книгу, то отвѣтъ получался всегда съ первою почтою. Случалось нужную книгу самъ добудеть и выслать, какъ, наприм, рѣдкая книга профессора И. Е. Троицкаго объ армянской церкви.

Каждую свою вновь вышедшую книгу или брошюру онъ считалъ долгомъ выслать мнѣ. Какъ-то, когда я служилъ на Воляни, батюшки, передавая одинъ другому, зачитали высланную имъ мнѣ книгу «Ученіе Оригена о Св. Троицѣ». Всѣ мои поиски оказались тщетными и тогда я, скрѣпя сердце, пишу Василію Васильевичу — «цельзя ли выслать второй экземпляръ», и съ первою почтою получается.

Какъ выше сказано, личныя встрѣчи съ Василіемъ Васильевичемъ, во время его профессорства, были рѣдки, но всегда задушевыи и самыя дружественныя.

Помню, въ 1889 г. прїѣзжаю изъ г. Курска въ Нилову пустынь (Осташковскаго уѣзда) и узнаю, что Василій Васильевичъ въ Кравотыни, но сегодня или завтра уѣзжаетъ въ Петербургъ. Я сейчасъ же посылаю въ Кравотынь нарочнаго съ запиской узнать, могу ли я застать его въ Кравотыни и когда (было это въ четвергъ), и вскорѣ получаю отвѣтъ на визитной карточкѣ ²⁾: «Душевно радъ — послѣ столькихъ лѣтъ! — повидать Васъ, Многоуважаемый Петръ Никифоровичъ, наконецъ-то не на портретѣ! Ждемъ Васъ завтра, уѣзжаю въ субботу. Поклонъ Вамъ отъ маменьки».

Пятницу въ Кравотыни, съ дозволенія мѣстнаго священника, я началъ заупокойною службою по скончавшимся родственникамъ и знакомымъ, къ которой прибыли въ храмъ и Марья Ивановна, и Василій Васильевичъ. По окончаніи службы въ церкви и панихидъ на могилахъ родныхъ и знакомыхъ,

¹⁾ Письма Василія Васильевича сохранились у меня почти всѣ.

²⁾ Которая и до сихъ поръ хранится у меня.

мы отправились къ радушной и гостепріимной Марьѣ Ивановнѣ (которая не иначе обращалась въ письмахъ къ намъ, какъ— «Родственныя мои» и т. д.) Цѣлый день мы почти пробыли у этихъ хорошихъ знакомыхъ людей, не замѣтивъ за дружеской бесѣдою, какъ пролетѣло и время. Къ вечеру я было сталъ собираться навѣстить другого нашего общаго товарища, нѣкоего Невскаго, но Василій Васильевичъ, видимо, не хотѣлъ выпускать меня отъ себя до времени и съ словами: «Я вамъ сейчасъ его представлю», схватилъ фуражку и и быстро-быстро побѣжалъ по берегу (и притомъ, такъ же неуклюже, какъ бѣгалъ мальчикомъ, чѣмъ напомнилъ въ эту минуту наше давнее дѣтство) и сейчасъ же привелъ Невскаго.

По поводу ежегодныхъ его лѣтнихъ пріѣздовъ въ Кривотынъ, крестная мать Василя Васильевича пишетъ мнѣ: «Будучи уже профессоромъ, онъ ежегодно почти пріѣзжалъ провѣдывать свою матушку Марью Ивановну лѣтомъ на мѣсяць или полтора. Онъ никогда не позволялъ ей беспокоиться о немъ, даже тогда, когда Марья Ивановна была еще въ силахъ, печего уже и говорить о томъ, когда онъ пріѣзжалъ въ послѣдній разъ (въ 1898 г.) къ больной матери. Онъ самъ носилъ съ берега воду для самовара и самъ его ставилъ. Старался какъ можно меньше беспокоить мать во всемъ. Часто бывалъ у меня и всегда вель длинныя дружескія бесѣды. Не былъ онъ ни гордымъ, ни невнимательнымъ: всѣмъ онъ первый отдастъ поклонъ, не позволитъ крестьянину первому поклониться ему, какъ важному лицу».

Матушка Василя Васильевича скончалась въ послѣднихъ числахъ мая (27-го) прошлаго 1899 года, «проживъ на свѣтѣ 74 г. и 58 или 59 дней». По поводу кончины своей матушки Василій Васильевичъ пишетъ мнѣ: «родилась по метрицѣ 30 марта 1825—при Александрѣ Благословенномъ!—а приходилось мнѣ слышать отъ нея, что она слыхала, что родилась въ заутреню—въ самую Пасху, слѣдовательно—29 марта».

На похоронахъ своей нѣжно любимой матери Василю Васильевичу за дѣлами быть не пришлось. Можно представить, сколько онъ, благороднѣйшій Василій Васильевичъ, перенесъ волненій и душевныхъ мукъ по этому случаю! По крайней мѣрѣ, уже много спустя, онъ съ грустію пишетъ мнѣ: «Вѣроятно знаете, что мнѣ не пришлось быть на ея (матушки) погребеніи. Предъ этимъ временемъ я какъ разъ увязъ въ одну комиссію (не выпуталъ изъ нея ногъ еще и доселѣ) и

къ 31 мая долженъ былъ готовить докладъ, занявшій потомъ страницъ 18 или 20 печатныхъ in folio; какъ узналъ 31 мая, я не могъ бы застать 27-го и предсѣдателя комиссіи, чтобы взять у него экстренный отпускъ».

И самъ Василій Васильевичъ быстро таялъ въ послѣднее время. На рубежѣ 1894 и 95 года, когда я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, его видъ еще былъ сносенъ, хотя на лицѣ и былъ оттѣнокъ какой-то болѣзненной бѣлизны. Въ 1896 году я уже замѣтилъ у него большую цинковую ванну, — лицо его сильно пожелтѣло и щеки нѣсколько провалились; а въ послѣдніе два года онъ просто былъ не узнаваемъ. Видимо непрестанные тяжелые ученые труды, сидячая жизнь, неудовлетворительность въ гигиеническомъ отношеніи квартиры (№ 164 ¹⁾), — окна коей выходили на одну сѣверо-восточную сторону и то на дворъ какого-то сосѣдняго дома, стѣна котораго чуть не закрывала и послѣдній тусклый петербургскій свѣтъ), — медленно, но вѣрно подтачивали здоровье неутоми-маго труженика.

По поводу этой квартиры самъ Василій Васильевичъ пишетъ мнѣ: «14 лѣтъ въ петербургскомъ промышленномъ домѣ прожитыхъ сдѣлали свое дѣло».

Столъ его былъ, хотя обыкновенно простой, но довольно питательный. Только замѣтно было: онъ такъ мало обращалъ вниманіе на пищу тѣлесную, что мнѣ кажется, если бы прислуга его, знаяшая хорошо его несложные вкусы и время, когда что слѣдуетъ подать, забыла бы, положимъ, когда-нибудь накрыть столъ (подать обѣдъ), то онъ самъ и не спросилъ бы или подумалъ бы потомъ, что ужъ отобѣдалъ. Бывало, когда приходилось мнѣ садиться съ нимъ за столъ, я уже не пачинаю никакихъ разговоровъ, а то заговорить, увлечется и перестанетъ ѣсть.

Василій Васильевичъ ясно сознавалъ свое тяжкое болѣзненное состояніе и, видимо, не обманывалъ себя на счетъ того конца, къ которому ведутъ неизлѣчимые недуги.

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 13 января 1900 г.) Василій Васильевичъ пишетъ: «въ годы живемъ мы довольно капризные въ климатическомъ отношеніи. Пропешдшую вакацію я всю оставался въ Петербургѣ, прополаскивая — безъ особаго успѣха — свои больныя внутренности эмскою водою.»

¹⁾ На Невскомъ проспектѣ.

Было жарковато. Пишу въ Кіевъ товарищу: чѣмъ-то, молъ, Вы дышите? У Васъ вѣроятно воскъ таетъ на улицѣ,—и получаю въ отвѣтъ: а у насъ даже и очень прохладно: куда прехладнѣе петербургскаго». И далѣе: «Похварывать приходится кромѣ желудка, ревматизмъ заявляетъ о себѣ музыкою удивительно постоянной».

Говоря въ письмѣ о томъ, что «последніе дни матушки его прошли хорошо, благодаря заботамъ крестной и Марьи Никифоровны» (моя сестра—замужняя, крестная дочь Марьи Ивановны, проживающая въ селѣ Кравотыни),—далѣе пишетъ: «и я послѣднимъ изъ нашего *quattro*¹⁾ сталъ отрѣзаннымъ ломтемъ отъ Кравотыни».

А затѣмъ, приписываетъ замѣчательныя строки: «Для такого человѣка какъ я—это въ сущности сводится къ *свободенъ сый отъ всего*, и слѣдовательно будь впередъ, что Богъ дастъ: ни желаній, ни тревогъ, ни вопросовъ о долголѣтіи». И эти строчки онъ написалъ всего за три неполныхъ мѣсяца до своей поистиннѣ христіанской кончины. Не ясное-ли это предчувствіе своей недалекой неизбѣжной смерти!

Миръ праху твоему, великій мужъ науки и великій человѣкъ—христіанинъ!

Прости, дорогой и незабвенный Василій Васильевичъ, если я не могъ изобразить тебя, начиная съ твоего самаго ранняго дѣтства, какъ должно: ты самъ знаешь, что я художникъ плохой. Но я увѣренъ, что во всемъ сообщенномъ о тебѣ, ты не упрекнешь меня въ какой-нибудь намѣренной неправдѣ.

Протоіерей Петръ Блѣустинъ.

1) «quattro»: 1) самъ Василій Васильевичъ,

2) Невскій — Константанъ Александровичъ — сынъ кравотынскаго священника — одинъ лѣтъ съ Василіемъ Васильевичемъ, — нынѣ учитель московскаго мѣщанскаго училища;

3) Дубакинъ—Димитрій Николаевичъ—сынъ кравотынскаго причетника—на 2 года, какъ и я, старше В. В. Волотова,—нынѣ инспекторъ самарской духовной семинаріи и

4) Я—тоже сынъ причетника; всѣ односельцы и ближайшіе съ дѣтства товарищи.